

© 1990 г.

Э. Х. Панеш, Л. Б. Ермолов

ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

(историко-этнографический анализ проблемы)

Последние события в Ферганской области Узбекской ССР до предела обострили и без того острейшую проблему турок-месхетинцев. Беспрецедентный по своим масштабам и драматизму межнациональный узбекско-турецкий конфликт, который по количеству жертв и трагичности событий значительно превзошел все известные в стране этнические конфликты за последние годы, вновь обнажил неразрешенность, а в некоторых случаях и кажущуюся безнадежность решения многих сложнейших вопросов национальной политики.

Турки-месхетинцы (самоназвание «турк») — малоизученная этническая группа, в настоящее время переживающая процесс консолидации в самостоятельный народ, отличный от анатолийских турок. До ноября 1944 г. жили в южных и юго-западных районах Грузии, расположенных к югу от Месхетского хребта. Говорят на турецком языке огузской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. В религиозном отношении мусульмане-сунниты. Основа традиционного хозяйства — земледелие и скотоводство.

Традиционная культура турок-месхетинцев близка к турецкой. Вместе с тем необходимо отметить, что в ней отчетливо прослеживается и грузинское влияние (например, в одежде, пище, жилище и некоторых элементах духовной культуры) ¹.

В течение последних десятилетий традиционная культура месхетинских турок подверглась разрушению, в результате чего на сегодняшний день основной пласт этой яркой самобытной культуры практически утрачен. Однако память народа бережно хранит воспоминания о прежней жизни в Месхети, хозяйстве и праздниках, обычаях и традициях, материальной и духовной культуре.

Проблема турок-месхетинцев как и подавляющая часть национальных проблем в СССР, имеет свою сложную историю. Осенью 1944 г. этническая группа месхетинских турок в результате сталинской политики насильственного переселения народов была объявлена врагом советского народа и депортирована с их исторической территории в Грузию. К моменту выселения советские турки проживали в 212 селах, расположенных в пяти сопредельных районах Грузинской ССР: Адигенском, Ахалцихском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Богдановском. Благодаря тому, что практически все взрослое мужское население было призвано в действующую армию, акция, результатом которой явилось переселение 115,5 тыс. чел., была произведена в кратчайшие сроки ².

Большая часть турок-месхетинцев была рассредоточена по отдельным поселкам в различных областях и районах Узбекской ССР без права изменения места жительства. Другая часть тоже на правах спецпереселенцев была расселена в Казахстане и Киргизии ³.

После XX съезда партии социальные и политические ограничения для советских турок были отчасти сняты. Им был разрешен выезд из мест проживания в Средней Азии и Казахстане и выбор места жительства в пределах определенных территорий. Возвращаться на родину в Месхети месхетинским туркам было запрещено. Одна из первых партий обосновалась в Азербайджане.

По данным на август 1988 г. турецкая община в Азербайджанской ССР насчитывала 39 тыс. 800 чел. ⁴. Именно в Азербайджане для переселенцев сложились наиболее благоприятные условия межэтнического взаимодействия. Этому способствовал ряд объективных факторов ⁵.

Азербайджанцы благожелательно и с большим вниманием отнеслись в 1960-е гг. к судьбе этих переселенцев. Более того, правительство Азербайджана выразило готовность принять всех турок-переселенцев из Узбекистана. Однако массовая миграция месхетинских турок из Узбекистана в Азербайджан была приостановлена, а в конце 1960-х годов им было разрешено переселяться малыми группами в отдельные районы Северного Кавказа ⁶.

После ферганских событий основной поток миграции турок направлен из Узбекистана в Азербайджан ⁷. Согласно материалам, полученным из «Комиссии по проблемам турко-месхетинского населения» при Верховном Совете СССР ⁸, на сегодняшний день руководство Азербайджанской ССР согласилось предоставить месхетинским туркам земли для постоянного поселения. Им были предложены на выбор земли в районах Муганской степи и степи Джейран-чор; турки предпочли последнюю. В настоящее время в Азербайджане делается все возможное, чтобы в ближайшее время подготовить эти земли к устройству месхетинских турок (провести питьевую воду, построить необходимые коммуникации и т. д.). Однако скорейшему решению вопроса в значительной мере препятствует нехватка финансов и материальных ресурсов. Помимо Азербайджанской ССР принять максимально возможное число турок-переселенцев выразила готовность Чечено-Ингушская АССР. Для временного поселения беженцев из Ферганской области в РСФСР были предоставлены некоторые районы в Смоленской, Орловской, Курской и других областях.

На сегодняшний день месхетинские турки общей численностью около 400 тыс. чел. ⁹ проживают дисперсно в различных регионах СССР, преимущественно в Средней Азии. Наибольшее число их живет в Узбекистане (Самаркандская, Ташкентская, Сыр-Дарьинская области). Остальные расселены более или менее компактно по различным районам Казахстана (Чиликский, Эйбекши-Казахский, Чимкентский и др.), Киргизии (Аламединский, Сокулукский, Калининский, Наукатский), Азербайджана (Саатлинский, Сардарабадский, Кубинский, Сабирабадский и др.), Кабардино-Балкарии (Урванский район), Ставропольского края (Курский район), Краснодарского края (Белореченский и Кошехабльский районы), Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Молдавии (отдельные населенные пункты), а также Смоленской и Орловской областей РСФСР. Таким образом, группы месхетинских турок фиксируются в одиннадцати союзных и автономных республиках.

После снятия в конце 1950-х гг. некоторых социальных и политических ограничений началась политическая активизация советских турок, которая выразилась в нарастающем движении за возвращение на родину в южную Грузию. Начиная с этого времени, проблема месхетинских турок обостряется с каждым годом. При этом само обострение можно рассматривать в нескольких аспектах. Прежде всего, расселяясь в новых регионах, переселенцы сталкиваются с естественной исторической оппозицией «абориген — пришелец» ¹⁰. Во-вторых, постоянно нарастающая дисперсность расселения еще более усложняет процесс этнической консолидации и соответственно ослабляет жизнестойкость этнической группы. В-третьих, постоянно сохраняются политическое, юридическое и социальное неравноправие месхетинских турок, выражающееся в отказе им из года в год в возвращении на родину. При этом последнее обстоятельство усугубляется тем, что ряд других депортированных народов был возвращен на свою историческую родину в конце 50-х гг. В конечном итоге именно нерешенность вопроса о репатриации советских турок, их реальное политическое неравноправие и юридическая незащищенность явились глубинными причинами того, что именно они стали жертвой националистических акций в Узбекистане летом 1989 г.

Закономерно возникает вопрос, почему же эти трагические события случились именно в Узбекистане, а не в другом регионе проживания месхетинских турок. Оставляя в стороне социально-экономический анализ проблемы, непростой для всей страны в целом, нельзя не учесть острейшую ситуацию в Узбекистане. Однако не следует отводить социально-экономическим причинам, как бы остры они ни были, единственной и решающей роли в межнациональном конфликте. В данном конкретном случае определяющим фактором стала та обстановка, которая сложилась в регионе в течение последних нескольких десятилетий. По мнению некоторых исследователей, работавших в Узбекистане в последние годы, острая ситуация в межнациональных отношениях выражается, в частности, в узбекско-таджикских противоречиях, суть которых связана прежде всего с включением (при размежевании Средней Азии) ряда территорий с преобладающим таджикским населением в состав Узбекской ССР (Бухара, Самарканд) и проведением соответственно направленной национальной политики (тенденциозная перепись населения, административно-управленческий прессинг и т. д.)¹¹.

Здесь необходимо пояснить, что существование узбекско-таджикских противоречий в значительной мере провоцирует агрессивность националистического движения в регионе. Представляется, что назревавший в течение последних десятилетий узбекско-таджикский конфликт в настоящее время стал взрывоопасным и затронул все многонациональное население республики. Национальное движение, резко возросшее за последние годы по всей стране, а вместе с тем неизбежно сопутствующие ему националистические настроения, в том числе и в Узбекистане, имеют закономерную тенденцию к открытому межнациональному конфликту в форме насилия. Итак, сложность межнациональной обстановки в Узбекистане связана, с одной стороны, с узбекско-таджикскими противоречиями и претензиями, с другой стороны, месхетинские турки, проживающие на этой территории, не являются ее историческим населением; они юридически не защищены как депортированные. Кроме того, они более компактно расселены по сравнению с другими переселенными в Узбекистан этническими группами. Все указанные факторы и привели к тому, что именно месхетинские турки стали жертвой насилия со стороны узбекских экстремистов Ферганской области. Однако необходимо понимать, что конкретная направленность узбекского националистического экстремизма в известной мере условна. Турки в данной ситуации оказались наиболее «подходящим» объектом насилия, поскольку другие «потенциальные объекты», такие, как среднеазиатские немцы, в массовом порядке эмигрируют в ФРГ, а крымские татары возвращаются в Крым. При дальнейшем развитии событий под угрозой насилия, как известно, оказались крымские татары, а также русские. Экстремистами был избран типично националистический лозунг «Узбекистан для узбеков», и в конечном итоге прозвучали призывы к выселению таджиков.

Высказанная точка зрения косвенно подтверждается тем, что первоначальная попытка развязывания узбекско-турецкого конфликта была предпринята в Акдарьинском районе Самаркандской области (Самарканд, как и Бухара, — район наибольшей остроты узбекско-таджикских противоречий). Однако предупрежденные местным узбекским и таджикским населением турки не вышли на первомайскую демонстрацию, и попытка развязывания конфликта ограничилась избиением нескольких человек из числа турецкой молодежи. Определяющую роль в неудавшейся провокации конфликта сыграла твердая позиция таджикоязычного населения, не поддавшегося на провокационные призывы узбекских экстремистов. Несколько позже подобные события имели место и в Бухаре¹².

Вернемся еще раз к проблеме месхетинских турок и попытаемся проанализировать тот комплекс реальных причин, которые не позволяли решить вопрос об их репатриации в течение почти 40 лет. Как уже было отмечено, процесс политической активизации турок начался с момента снятия с них ряда

административных ограничений. С этого времени начинают функционировать различные неформальные организации советских турок, считающие своей основной и единственной целью движение за возвращение на родину. В конце 1950-х гг. в Средней Азии состоялся Учредительный съезд месхетинских турок, результатом которого было создание Временного организационного комитета (ВОК) по возвращению на родину и функционирующей при нем постоянно действующей комиссии (в качестве рабочей группы) из числа активистов движения. Деятельность Комитета распространялась на все регионы проживания советских турок; движением за реэмиграцию был охвачен весь этнический массив. За послевоенный период благодаря действиям Комитета было направлено более 200 различных делегаций полномочных представителей турок в высшие партийные и советские органы СССР и ГССР. В архивах Комитета бережно хранятся копии всех обращений этих делегаций к правительству и другие документы. Однако вопрос остается открытым.

Одним из камней преткновения в решении проблемы репатриации месхетинских турок стало поставленное грузинской стороной, хотя и неофициально, условие о признании турками их исторического грузинского происхождения и замена турецкой формы фамилий на грузинские.

Вопрос о происхождении месхетинских турок приобрел политическую окраску в силу той социальной несправедливости, которую ощущает эта этническая группа с момента ее депортации в Среднюю Азию, не говоря уже о том, сколь серьезно эта проблема волнует самих носителей традиционной культуры. Известно, что происхождение того или иного народа не всегда можно однозначно установить. Однако довольно редко подобный вопрос оказывается столь конфликтно значимым, как в случае с советскими турками. И причина этого — неразрешенность социально-политической ситуации, в которой они оказались.

Политические последствия того, как месхетинские турки решают вопрос о своем происхождении, самым непосредственным образом отразились в сегоднешних их внутриэтнических процессах.

Подавляющее большинство рассматриваемой группы осознает себя турками. Небольшая часть сочла возможным в условиях сложившейся политической ситуации признать себя отуреченными грузинами с тем, чтобы обеспечить себе возвращение на родину¹³. Среди представителей этой группы отчетливо фиксируется ситуативное этническое самосознание.

Основная часть этнической группы с ярко выраженным турецким самосознанием настаивает на признании своей принадлежности к туркам. Обозначенные процессы с течением времени переросли по существу в борьбу двух «фракций» в национальном движении месхетинских турок — «турецкой» и «грузинской», соответственно отражающих два взгляда на способы реэмиграции. Этому была посвящена дискуссия, широко развернувшаяся на Всесоюзном съезде месхетинских турок, проходившем в августе 1988 г. недалеко от селения Псыкод Кабардино-Балкарской АССР. На съезде присутствовало около 250 человек¹⁴. Все делегаты съезда проходили регистрацию, предъявляя мандаты установленного образца от определенного числа избирателей. Съезд проходил в форме традиционного народного схода в присутствии муллы, вознесшего молитву Аллаху и благословившего собрание. Перед началом дебатов ряд лидеров, приехавших из различных регионов, по очереди читали свои стихи об утраченной родине, чем способствовали определенному психологическому настрою участников съезда.

На съезде развернулась борьба двух названных «фракций». Представители «грузинского» направления пытались доказать, что только официально признав себя грузинами, они смогут обеспечить себе возвращение на родину. Странники «турецкого происхождения», которые составляют, как уже было отмечено, подавляющее большинство, расценили это как предательство национальных интересов, которое не решит проблемы месхетинских турок. Под давлением съезда лидеры «грузинской» оппозиции публично признали свою точку зрения

ошибочной. В итоге съезд, заслушав программы претендентов, избрал главного лидера движения¹⁵, вынес решение добиваться возвращения на родину с обязательным признанием турецкой национальности месхетинских турок и провозгласил себя Съездом Единения¹⁶.

Из числа своих участников съезд решил направить очередную делегацию в Москву, которая и выехала на следующий день после его окончания, т. е. в 20-х числах августа 1988 г. Тогда же ЦТ впервые показало интервью с лидерами месхетинского движения.

Возвращаясь к этническому происхождению месхетинских турок, следует признать, что на сегодняшний день нет комплексного научного исследования этой проблемы. В этнографической литературе этот вопрос практически не затрагивался, за исключением редких, фрагментарных замечаний общего характера об этнических процессах в Грузии¹⁷.

Не вдаваясь в рассмотрение этой сложной этнографической проблемы, следует коротко остановиться на одной из существующих гипотез, которая практически и определяет неофициальное условие о признании месхетинскими турками их грузинского происхождения. Согласно этой точке зрения, население Месхетии было отуречено, приняло ислам и утратило грузинское самосознание¹⁸ в результате военной агрессии в XVI в. со стороны Османской империи, захватившей земли Месхет-Джавахети, Аджарию и Лазику¹⁹.

Процессы отуречивания сопредельных Аджарии и Месхетии протекали неодинаково: с одной стороны, население Месхетии, которое в течение этого периода (с XVI в. по 20-е годы XIX в.²⁰) утратило свой язык, религию, патронимическую структуру, традиционную культуру, и что особенно важно, самосознание, и с другой, — население Аджарии, сохранившее все эти этномаркирующие показатели, за исключением религии.

Теоретически столь очевидная разница в интенсивности ассимиляционных процессов в сопредельных районах по существу единого региона вероятна лишь в двух случаях. Это либо направленная регламентация ассимиляционной политики в обозначенных районах, либо изначально исторически смешанное²¹ и потому предрасположенное к метисации население одного из них. Уже при рассмотрении первого варианта совершенно очевидно, что разница в проведении ассимиляционной политики каким-либо агрессором по отношению к различным районам оккупированного региона зависит прежде всего от потенциальной предрасположенности населения этих районов к ассимиляции, что определяется рядом факторов: формы и интенсивность исторических контактов, ландшафтно-географические характеристики, характер миграционных процессов²², степень седентаризации²³ и т. д. Во втором варианте характер ассимиляционного процесса является реверсивным.

Таким образом, следует подчеркнуть, что сложная научная проблема происхождения и этнического развития месхетинских турок еще ждет своего окончательного решения на основе комплексного и всестороннего ее изучения. Но естественное и правомерное в научном отношении решение проблемы этногенеза советских турок не может быть аргументом при рассмотрении современной политической ситуации. В любом случае этническое происхождение не должно влиять на принципиальное отношение к репатриации этой группы.

Что же мешает правильному решению этого вопроса? Прежде всего здесь следует назвать общую национальную обстановку в самой Грузии. Как и во всяком многонациональном регионе, в Грузии существует ряд совершенно конкретных проблем. Каждая из них имеет глубинные корни и свою продолжительную историю. В задачи настоящей статьи не входит полный разбор всех национальных проблем. Попытаемся выявить отдельные, наиболее существенные тенденции.

Нетрудно заметить, что межнациональные конфликты в Грузии так или иначе связаны с национальными автономиями. В связи с этим сразу следует

отметить, что по сравнению с другими союзными республиками (исключая РСФСР) сравнительно небольшая по территории и населению Грузия обладает наибольшим числом автономий. Правоммерно может возникнуть вопрос: является ли наличие и создание автономии в пределах союзных республик позитивным явлением и насколько увеличение числа этих автономий может негативно повлиять на общий фон межэтнического взаимодействия в конкретных регионах?

Хорошо известно, что во времена создания и первых лет существования автономий в республиках не было тех проблем, которые возникли в последние десятилетия. В предшествующие годы национальная политика, как правило, сводилась к тому, чтобы создать в автономной республике (области, округе, районе) преобладание доминирующего в республике этноса. При этом национальность, имеющая автономию, оказывалась в меньшинстве. Только такое соотношение, по мнению инициаторов подобной политики, могло реально обеспечить и гарантировать проведение «республиканской» союзной политики, отвечающей в первую очередь интересам доминирующего этноса. Процесс создания такого перевеса был достаточно длительным. Реализация этой задачи достигалась путем административно-управленческого давления, в частности проведением в автономиях социально-экономической политики «республиканского» значения, что вызывало необходимость притока трудовых ресурсов; мигрантам предоставлялись различные льготы и т. п. Как правило, такая политика приводит к межнациональным трениям, возникающим в связи с принципиальным расхождением во взглядах на вопрос, в чью пользу должны решаться внутренние проблемы в автономии: представителей большинства или коренной национальности данной национальной автономии. Соответственно возникают вопросы о языковой политике, обучении в национальных школах, представительстве национальных кадров в органах управления на всех уровнях, политическом самоопределении, сохранении традиционных культуры и хозяйства и т. д. Все это способствует резкому росту национального самосознания и закономерно приводит к прогрессирующему обострению межнациональных отношений. В совокупности эти факторы вызывают целый ряд стереотипных мер со стороны союзно-республиканской администрации. В первую очередь предпринимаются попытки сдерживания социально-экономического развития коренного населения автономий. Однако это закономерно ведет к еще большему обострению межнациональных отношений в результате очевидной разницы в социально-экономическом развитии национальных регионов республики.

Данная ситуация также усугубляется неправильным пониманием происходящих процессов и соответственно тенденциозной их интерпретацией. Так, грузинская газета «Коммунист» опубликовала статью З. Чкванавы, в которой автор высказывает свое мнение по поводу создания «Демографического фонда Грузии» и приводит свои соображения относительно дополнений и уточнений к нормам его проекта. Декларируя обязательность дифференцированного национального подхода к проблеме развития населения региона, автор обосновывает это тем, что «способность к деторождению зависит не столько от социально-экономического фактора, сколько от *биологического* (курсив наш — Э. П., Л. Е.). Доказано, говорит он далее, что рождаемость туркмен и азербайджанцев почти в четыре раза превышает рождаемость грузин, литовцев, латышей и эстонцев. «Бесконечное размножение населения отнюдь не является признаком цивилизованной нации». И далее «...такое стабильное размножение грузинской нации — совершенно естественный и нормальный процесс, который характерен для развитой и интеллектуально сформировавшейся нации»²⁴.

Цитируя этот текст, мы не ставим перед собой задачу вступать в научную полемику с доцентом Грузинского политехнического института З. Чкванавой. Его взгляды — не что иное как открытый биологический расизм. Очень важно, что именно пресса, и в особенности пресса национальная, в значительной мере

способствует формированию того положительного или отрицательного фона межэтнического взаимодействия и закрепления этнических стереотипов, которые существенно меняются в современных условиях национальных движений.

Затронув вопрос об исторических стереотипах, нельзя не остановиться на их историческом формировании и современных тенденциях. На первый взгляд, представляется вполне логичным допустить, что исторически сложившиеся взаимные представления друг о друге контактирующих этносов могут служить серьезным препятствием в решении межнациональных проблем. Однако необходимо учитывать, что эти стереотипы далеко не равнозначны. Традиционные стереотипы имеют тенденцию к размыванию, в отличие от современных, которые имеют тенденцию к концентрации. Исторические стереотипы, сформировавшиеся в результате военной или политической агрессии или любой другой конфронтации контактирующих этносов, как правило, сохраняют наибольшую психологическую остроту в памяти одного поколения после окончания конфликта. Среди факторов, способствующих устойчивости стереотипа и его консервации в памяти ряда поколений, можно назвать историческую протяженность конфликта, характер его агрессивности, исторические последствия и многое другое. Однако следует иметь в виду, что длительное существование какого-либо стереотипа в неизменном виде в памяти ряда поколений и тем более его искусственное сохранение приводят к складыванию «оппозиционного» стереотипа. Национальная политика последних десятилетий в сочетании с современными этническими процессами поддерживает накопление негативных стереотипов по отношению к любому доминирующему этносу, проводящему жесткую национальную политику. Таким образом, закономерно, что националистические выступления в Грузии проходят под лозунгом «Грузия для грузин», и отчетливо прослеживается тенденция к негативному изменению фона межэтнического взаимодействия и прогрессирующему обострению межнациональных отношений.

Возвращаясь к анализу национальной политики, проводимой администрацией доминирующего этноса в регионе, следует иметь в виду и получившую достаточно широкое распространение тенденциозность при переписях населения и при регистрации его прироста. Кроме того, параллельно с указанными процессами возникает идея стимуляции рождаемости доминирующего этноса республики. Конкретно в Грузии такая практика выразилась в мысли о создании уже упоминавшегося «Демографического фонда», поддерживаемого рядом неформальных организаций. Параллельно с этим в печати высказываются положения об искусственном ограничении рождаемости национальных меньшинств Грузии, подобные высказываниям Т. Кванчилашвили, руководствующегося известным «опытом» Китая²⁵.

В современных условиях, на фоне резкого подъема национального движения по всей стране, обеспокоенность грузин степенью сохранности своей культуры вполне естественна. Нет никакого сомнения, что необходимо предпринимать всяческие усилия для сохранения этой древней культуры и ее развития, равно как и любой другой. Однако при этом необходимо особо подчеркнуть, что восприятие грузинами более высокой рождаемости у национальных меньшинств как угрозы для своей культуры говорит о неверной оценке тех естественных процессов, которые происходят в обществе. Данная диспропорция естественно вызвана реальной угрозой потери национальной культуры именно для самих национальных меньшинств. На фоне этой угрозы, на фоне идей об искусственном ограничении рождаемости, вполне естественно, что обстановка в регионе становится потенциально все более взрывоопасной.

Приведенные высказывания, утверждающие интеллектуальное и биологическое превосходство, отнюдь не способствуют нормализации межнациональных отношений. Как справедливо заметил А. Цотниашвили, «проявляя национальное самосознание, нельзя бросать тень на других, как это сделали в своих

публикациях З. Чкванави и Т. Кванчилашвили. Мы не должны считать их высказывания за убеждения всего грузинского народа»²⁶.

Однако все вышеперечисленные тенденции создают тот общий неблагоприятный фон межнациональных отношений, фиксируемый здесь достаточно отчетливо. На этом фоне те национальные проблемы, которые имели узко-региональное происхождение, соответственно переносятся на весь ареал, чему в значительной мере способствуют националистические выступления в местной печати. При этом вполне естественно, что любые подобные действия будут вызывать соответствующую реакцию противодействия, прежде всего в национальных регионах.

Наш обзор современных этнических процессов в Грузии показывает, почему позитивное решение турецкой проблемы встречает такое активное сопротивление. Усматривая источник национальных проблем в существовании национальных автономий и национальных районов, и отчетливо понимая, что возвращение депортированных турок на историческую территорию потребует создания для них в перспективе национальной автономии, грузинская сторона активно противодействует этому во избежание обострения и без того сложной межнациональной обстановки в республике. Вместе с тем следует признать, что некоторые шаги для разрешения проблемы месхетинских турок в последнее время и здесь предпринимались. Начиная с 1960-х гг. до последнего времени в Грузинской ССР поселилось 186 семей депортированных отсюда турок общей численностью 1211 чел., которые были расселены в западных районах республики (Зугдидском, Махарадзевском, Хашурском и др.). Однако на сегодняшний день здесь осталось лишь 35 семей. Кроме того, для предотвращения какой-либо национальной концентрации эти семьи были расселены по различным населенным пунктам названных районов Западной Грузии, т. е. за пределами исторической территории этой этнической группы. Территории, где в настоящее время, как это ни парадоксально, пустует около 70% сельскохозяйственных земель, обработавшихся ранее месхетинскими турками, и из 212 существовавших ранее сел заселены лишь несколько десятков²⁷. Часть земель занято переселенными сюда после 1944 г. имеретинами²⁸.

Касаясь проблемы месхетинских турок в общегосударственном масштабе, нельзя не отметить, что кроме дальнейшего распыления этой этнической группы, ведущего к потере ее самобытности, национальной культуры, созданию новых этноконтактных зон, особенно в абсолютно чуждой этнической и экологической нише, и как результат резкой политической активизации, особое значение могут иметь и государственно-политические последствия неразрешенности вопроса о репатриации месхетинских турок. Хорошо известно, что турецкая проблема в последнее время существенно осложнила отношения между Болгарией и Турцией²⁹.

Особое внимание следует обратить и на возможный международный политический резонанс при рассмотрении ферганских событий, а также последствия возможной эмиграции советских турок за пределы страны, если не будет положительно решена проблема их репатриации.

Нельзя, однако, не принимать во внимание, что с момента депортации численность советских турок увеличилась, видимо, более чем в три раза. Данное обстоятельство может создать определенные трудности при репатриации всего турецкого населения на его историческую территорию. На этот случай, вероятно, должно быть предусмотрено выделение дополнительной территории, где в сходных с исторической родиной экологических условиях этой этнической группе будут предоставлены все возможности для консолидации и создания культурно-национальной автономии. Какая бы из республик ни предоставила депортированным туркам земли для постоянного проживания, она бы, безусловно, приобрела серьезный экономический потенциал в лице трудолюбивого народа с высококоразвитой культурой земледелия.

Заканчивая настоящий обзор, необходимо также подчеркнуть, что давно пора предпринять конкретные шаги для окончательного решения большого

вопроса о месхетинских турках, восстановления социальной и исторической справедливости по отношению к ним. Турецкое население нашей страны безусловно должно обрести свою утраченную историческую родину.

Примечания

¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградская часть, далее — ЛЧИЭ). 1966 г. Ф. К—1, оп. 2, № 1480, 1481; 1988 г., — еще не имеет номера.

² Данная цифра, за отсутствием официальных данных, взята нами из материалов Постоянно действующей комиссии при Временном организационном комитете по возвращению на родину (ВОК) месхетинских турок, производившей специальные подсчеты выселенного населения.

³ Хуршут А. Турки // Литературный Киргизстан. 1988. № 12. С. 102—111.

⁴ Данные о численности турецкой общины в Азербайджане получены нами при опросе делегатов из Азербайджана на Всесоюзном съезде месхетинских турок, проходившем в августе 1988 г. в КБАССР. На сегодняшний день эта цифра существенно возросла и продолжает расти за счет нового потока мигрантов.

⁵ Панеш Э. Х. Современные этнокультурные контакты месхетинских турок // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 68—72.

⁶ Архив ЛЧИЭ АН СССР. 1966 г. Ф. К—1, оп. 1480, 1481; 1988 г.

⁷ Ермолов Л. Б. Экспедиционный отчет о поездке в Узбекистан в 1989 г. // Архив ЛЧИЭ АН СССР.

⁸ Комиссия по проблемам турко-месхетинского населения при Верховном Совете СССР создана 26.06.89 г. под председательством заместителя председателя Совета Министров РСФСР Л. А. Горшкова и при участии полномочных представителей Временного организационного комитета турок-месхетинцев по возвращению на родину Ю. Сарварова, Д. Кучиева, Р. Саидова, Т. Саидова, А. Алиева.

⁹ Данные соответствуют результатам переписи, произведенной инициативной группой месхетинских турок, и принимаются как условные из-за отсутствия официальных данных.

¹⁰ Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. О роли этнической психологии в межнациональном конфликте // Этнокультурные процессы: традиции и современность. Л., 1990.

¹¹ Рахимов Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887—1964) // СЭ. № 1. 1989. С. 116—119; Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист, 1988. № 10. С. 68; Рахимов Р. Р. О чем «шумят» таджики Самарканда? // Что делать? В поисках совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. Экспедиционный отчет Л. Б. Ермолова...

¹² Полевые материалы авторов 1989 г.

¹³ Тютюнник В. И. Кто они, месхетинские турки? // Советская культура. 17.06.89.

¹⁴ Полевые материалы авторов 1988 г. // Архив ЛЧИЭ АН СССР.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Самойлович А. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926 (отд. оттиск). С. 8; Джаошвили В. Ш. Население Грузии. Тбилиси, 1968. С. 105—116; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М., 1982. С. 201 и др.

¹⁸ Вахушти. География Грузии // Зап. Кавк. отд. РГО. Тифлис, 1904, XXIV; Хаханов А. Месхи // Этногр. обозрение № 3. М., 1891. Вешапели Г. Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916.

¹⁹ Страны и народы. М., 1984. С. 20—23.

²⁰ 1829 г. — заключение Адрианопольского мира между Россией и Турцией, по которому Месхет-Джавахети была возвращена Грузии.

²¹ Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1968. С. 391, 392, 396.

²² Там же. С. 391.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Чкванавა З. Путь найден // Коммунист (Тбилиси) 21.XI.88.

²⁵ Литературная Грузия. 30.9.88 (на груз. яз.).

²⁶ Цоткиашвили А. // Советская Осетия (Орджоникидзе) 14.XII.88.

²⁷ Данные предоставлены членом Комиссии по проблемам турко-месхетинского населения Ю. Сарваровым.

²⁸ Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Указ. раб. С. 206; Сообщение И. И. Крупника по материалам его полевых исследований в Тервольском районе ГССР в 1983 г.

²⁹ Пресс-служба газеты «Известия» // Известия. 5.VII.89.